

Время текло незаметно, словно вода в реке, и вскоре наступил праздник Середины осени. Театральная труппа поместья Ци как раз подготовила несколько новых пьес, и госпожа Ци решила устроить в праздничную ночь большой прием для родных и близких — полюбоваться полнолунием да послушать музыку.

В Обители Нефритового Шэна накрыли больше десятка столов. Среди приглашенных была и семья графа Уяна. Их младший сын, У Сисчунь, устроившись рядом с Цзян Мэнчжэнем, тихонько зашептал ему на ухо:

— Кое-что расскажу, обхохочешься! Помнишь кошку, которую я подобрал у ворот поместья графа Юньяня?

— Помню, конечно. Белая как снег, премилое создание. А что с ней?

— Да вот объявился хозяин. Пришел её искать, а одет — смотреть жалко, совсем не похож на благородного господина из графского дома. Я поначалу отдавать не хотел, так он мялся-мялся, а потом сознался: сам он — законный сын графа Юньяня, а кошку держал втайне. Боялся, что если мачехи прознают, то сразу несчастную тварь до смерти забьют.

Цзян Мэнчжэнь изумленно приоткрыл рот:

— Какая жестокость!

— Вот и я о том же, так мне его жалко стало, — У Сисчунь поджал губы. Граф Уян души не чаял в своем младшем сыне, и тот рос, даже не подозревая, какая грязь и низость порой скрываются за закрытыми дверями благородных усадеб. — Обе супруги графа Юньяня при встречах всегда так приветливо улыбаются, кажутся сущими добродетельницами... А на самом деле! Цяньюань... то есть, молодой господин Ань, ходит в лохмотьях, которые мои слуги постыдились бы надеть.

— Цяньюань? — Цзян Мэнчжэнь удивленно приподнял бровь. — Это второе имя старшего сына графа Юньяня? И когда это вы успели так сойтись?

У Сисчунь смущенно покраснел и шутливо показал кончик языка:

— Вообще его зовут Ань Чжиюань, а Цяньюань — это я его так назвал. Второе имя ему придумал. Словно дракон, затаившийся в бездне, понимаешь? Верю, что придет день, и он заявит о себе во весь голос.

Цзян Мэнчжэнь не сдержал улыбки:

— Вот оно как! А я-то наивно полагал, будто удостоился особой чести, когда ты придумал имя мне. Оказывается, молодой господин У раздает их направо и налево, как угощения на ярмарке!

— Ну что ты, для меня ты самый особенный! — У Сисчунь ласково ухватил друга за руку и легонько потряс. — Не сердись, Хуасюй, к слову пришлось. Если хочешь, я запрещу ему отзываться на это имя!

Цзян Мэнчжэнь, собиравшийся лишь подразнить его, внезапно посерьезнел. На его лбу пролегла тревожная складка.

— Постой, вы действительно так близки? И до сих пор общаетесь?

У Сисчунь опустил глаза, на его лице проступила робкая улыбка:

— Он оставил кошку у меня. Время от времени приходит её навестить...

Когда он склонил голову, яркая, пунцовая родинка беременности у краешка его губ вспыхнула особенно притягательно. Глядя на это, Цзян Мэнчжэнь почувствовал укол тревоги.

— Все-таки он посторонний мужчина, — мягко предостерег он. — Будь осторожнее. Нам, гэерам, нельзя давать пищу для досужих сплетен.

— Знаю-знаю, — отмахнулся друг. — Тебе, как гостю в чужом доме, приходится следить за каждым шагом, чтобы злые языки чего не выдумали. А я у себя, под крылом отца в поместье графа Уяна, что со мной станется? — У Сисчунь огляделся по сторонам и разочарованно вздохнул: — Точно, Ань Чжиюаня не пригласили. Жаль, он такой славный, я так хотел вас познакомить... Семья Ци звала его домашних, но прислали, верно, его младшего брата. Глаза бы мои не видели эту несправедливость!

— Что-то у тебя все разговоры только об этом Ане, — покачал головой Цзян Мэнчжэнь и, шутливо погрозив ему пальцем, запел тонким голоском, подражая театральной актрисе: — Уж не девичье ли сердце дрогнуло, а?.. Берегись, милый друг, береги-и-сь...

— Вредный ты какой! — в шутку пихнул его в плечо У Сисчунь. — Сам бы лучше по сторонам глянул. Вон тот, из семьи Ци, уже битый час с тебя глаз не сводит. Еще когда мы стихи слагали, я заметил: он на тебя смотрит — аж дышать забывает!

— Не выдумывай глупостей...

Они тихонько рассмеялись. За грохотом барабанов и звоном тарелок, доносившихся со сцены, их шутливая перепалка осталась незамеченной для гостей.

Когда застолье подошло к концу, слуги убрали пустую посуду и подали свежие фрукты,

сладо́сти и ароматный чай. Шумное представление на сцене завершилось. Вняв совету старшего сына, Ци Фэнцзю, вице-министр Ци распорядился записать названия лучших отрывков из репертуара актеров на деревянных дощечках. Гостям предложили тянуть жребий и заказывать пьесы на свой вкус. Сам хозяин дома первым вытянул дощечку с отрывком из драмы «Полно дощечек на постели» и остался чрезвычайно доволен выбором. Следом подошел черед Ци Фэнцзю, и ему достались «Записки в тени ив».

— «Записки в тени ив», известные также как «Две бабочки», поставлены по мотивам пьесы «Смерть Чжу Интай ради брака с Лян Шаньбо», — хозяин труппы боязливо утер пот со лба. — В этом отрывке несчастная Чжу Интай в траурных белых одеждах оплакивает безвременно скончавшегося возлюбленного у его могилы... Осмелюсь заметить, господин, петь об усопших в ночь Середины осени — не к добру.

— Пустые предрассудки! — отмахнулся Ци Фэнцзю, не знавший суеверного страха. — Это всего лишь представление. Как учил Конфуций, не стоит толковать о духах и неведомых силах. Какая беда может случиться от обычной песни? Начинайте.

Роль Чжу Интай исполнял ведущий актер труппы. С первой же ноты его голос, жалобный и нежный, зазвучал со всей безутешной скорбью кукушки, выпускающей кровавый крик. Печальные переливы коснулись сердец, заставив многих гостей украдкой утирать слезы. Ци Фэнцзю заворуженно следил за действием и под заунывные напевы негромко произнес:

— Лежать ему во сырой земле, без надежды и без доли... Обделила судьба любовью в земном кругу. Как горько, как печально.

Ци Хэли сидел со своими братьями от наложниц за самым дальним столом у края галереи. Мальчишки постарше и совсем малыши шумно возились, без конца таская со стола угощения; сцена отсюда виднелась лишь смутно. Ци Хэли повернулся к своей няне У, которая под шумок бездельничала неподалеку, прикладываясь к кувшину с недопитым вином:

— Няня, а почему Чжу Интай непременно должна умереть?

— Дак ведь не смогла она позабыть своего сердечного друга, — захмелевшая няня У шумно икнула. — Тот, за кого её насильно выдавали, и в подметки не годился покойному возлюбленному. Без милого жизнь не мила — одно мучение, а не жизнь...

— Неужели этот Лян Шаньбо был так хорош?

— А то как же! Ласковый, обходительный, а уж собой пригож — глаз не оторвать. Они ведь почитай с малых лет вместе за книжками сидели, стихи слагали, там-то искра меж ними и пробежала...

На душе у Ци Хэли стало скверно. Описание няни бредило старую рану: его старший брат Ци Фэнцзю и впрямь во многом походил на этого идеального, благородного Лян Шаньбо, которого

невозможно забыть.

На сцене сменилось еще несколько картин, и стаканчик с дощечками передали У Сисчуню. Тот небрежно пошевелил их пальцами и вытянул пьесу «Великое восхождение на престол».

— Терпеть не могу эту драму! — У Сисчунь в сердцах бросил дощечку на пол. — Все эти глупые истории обрывают на самом веселом месте, а что потом? Бедная Ван Баочуань прождала мужа долгих восемнадцать лет, а прожила в императорском дворце всего восемнадцать дней и умерла! И пока этот негодяй Сюэ Пингуй восседает на золотом троне со своей новой заморской принцессой, кто вспомнит о нищей, холодной лачуге, где его столько лет верно ждали? Ненавижу предателей! — Он придвинулся ближе и свирепо прошептал на ухо другу: — Мужчины, которые берут в дом двух жен, просто подлые твари!

Цзян Мэнчжэнь прикрыл лицо широким шелковым рукавом, сдерживая смех, и ласково успокоил приятеля:

— Не кипятись. Давай лучше я вытяну хорошую дощечку, пускай сыграют что-нибудь приятное.

Он опустил ладонь в резной стаканчик и достал наугад одну из щепочек. Взглянул на надпись — «Сон в саду».

— Вот это выбор! Кому, как не тебе, должна была достаться эта пьеса? — У Сисчунь радостно захлопал в ладоши. — Её и пойте!

Нежный плач флейт и звонкие напевы разнеслись над садом вместе с вечерним ветерком. На подмостках, у макета Пионовой беседки, развернулась история о призрачном, дивном сновидении. Сначала Ци Хэли слушал вполуха, но вскоре завороченно подался вперед и вновь спросил няню У:

— Няня, а о чем поется в этой пьесе?

— Ой, батюшки, и не спрашивай! — старуха хлопнула себя по колену и хрипло рассмеялась, обдав мальчика густым винным перегаром. — Срам один, а не песня! Только и делает, что смущает неокрепшие умы барчуков да барышень, учит их тоске любовной. Ты погляди на нее, бесстыжую, грезит наяву! Сны ей, видишь ли, блудные снятся!

С легким стуком палочки Ци Хэли выскользнули из пальцев и упали на пол. Скрытые, потаенные чувства, которые он так тщательно прятал в глубине души, словно обнажились перед всем миром. В горле пересохло, дыхание перехватило. Мальчик судорожно сжал пальцами серебряный замочек своего нашейного обруча и едва слышно пролепетал:

— Блудные... сны?

Да, именно так. Той весной он повстречал человека, который казался прекрасным видением, и с той поры позабыл, что такое спокойный сон до рассвета. Призрачная весна преследовала его, не желая отпускать. Неясные, тревожные думы бередили душу подростка, мешая дышать, лишая покоя днем и сна ночью. Об этом невозможно было рассказать ни единой живой душе. В груди тоскливо щемило, сердце то будто исходило горькой влагой, то горело живым огнем.

А со сцены меж тем неслись протяжные, полные тоски стихи:

Куда спешишь, мой сон, в ночную высь,

С весенним ветром тая без следа?

Тоске в груди вовек не разрешиться...

Спросить ли небо: в чем моя беда?

Ци Хэли резко поднялся, опрокинув стул, и попятился. В смятении он задел няню У, та покачнулась, но мальчик уже ничего не замечал. Схватившись рукой за грудь, он бросился прочь из сада. Ему казалось, будто взгляды всех присутствующих пронзают его насквозь, видя сокровенные помыслы под ребрами. Страх, что его тайну раскроют, поднимут на смех или назовут бесстыдником, гнал его вперед. Спотыкаясь и не оборачиваясь на крики удивленных слуг, он без памяти бежал к своему флигелю.

Забившись на кан и наглухо укутавшись в одеяло, Ци Хэли не откликался ни на чьи зовы. Вскоре из прихожей донесся пьяный голос разобиженной няни У, устроившей настоящий скандал. Из соседней комнаты, разделенной лишь тонкой перегородкой, на шум прибежала наложница Чжоу и тут же принялась громко браниться:

— Дрянь неблагодарная! Отрепье, которому не место в приличном доме! Собственную няньку готов поколотить, бездушное чудовище! Сегодня ты на нее руку поднял, а завтра родную мать резать решишь?!

В доме поднялся невообразимый переполох, но Ци Хэли даже не пошевелился. Он лежал в крошечной тьме неосвещенной комнаты, глядя в окно на полную луну, сиявшую ярче любого светильника. Холодный серебряный свет заливал пол. Время шло, луна медленно плыла по небу, поднимаясь над верхушками деревьев, пока крики снаружи наконец не утихли. Мальчик сладко зевнул, глаза его начали слипаться. Но едва сонное забытие коснулось его разума, он вздрогнул от испуга и изо всей силы ущипнул себя за руку.

Так повторилось несколько раз. Он упрямо боролся со сном, пока луна не начала бледнеть перед рассветом, но усталость взяла свое — веки сомкнулись.

И вновь к нему подступила весна из сновидений, окутав теплым дыханием. У подножия стены стоял тот самый человек и нежно улыбался ему. Ци Хэли, как прежде, застыл на заборе, однако на сей раз впервые ясно осознал: он спит. Он пытался ущипнуть себя, но напрасно — морок не рассеивался, и перед ним по-прежнему стоял Цзян Мэнчжэнь. Стыд обжег душу

мальчика, хотелось немедленно сбежать, скрыться, но сердце сладко ныло, не позволяя отвести глаз от прекрасного лица.

Пола палевого одеяния качнулась, силуэт начал таять в рассветной дымке. Обычно на этом месте видение обрывалось, но сейчас Ци Хэли понимал, что властен над своим сном. Собрав остатки мужества, он отчаянно крикнул вслед:

— Пстой! Не уходи!

Соскочив со стены, он опрометью бросился вдогонку и с разбегу уткнулся грудью в плечо любимого. Не помня себя от нахлынувшего чувства, Ци Хэли крепко прижал его к себе. Тело в его объятиях оказалось мягким, словно шелковое одеяло. Мальчик не знал, что делать дальше, лишь сжимал руки все сильнее, будто пытаясь слиться с ним воедино, раствориться в нем без остатка.

И сквозь пелену угасающего сна ему почудилось, будто на далекой сцене вновь согласно запели флейты:

Хочу уйти, но шаг дается с болью,

Гляжу в глаза твои, безмолвие храня.

Неужто рок судил расстаться вскоре,

Словечка ласки не оставив для меня?

В пути весеннем дождик землю мочит,

Во сне ж — уносит в тучи над горой...

— Мин-гэер, просыпайся же...

— Вставай, соня! Солнце уже высоко! — Шуйфэнь бесцеремонно просунула руку под одеяло и шутливо пригрозила: — Ну-ка, проверю, не напекло ли тебе бока!

— Ой! — Наткнувшись на что-то липкое и мокрое, она брезгливо отдернула пальцы. — Ты что же это, постель намочил? Такой взрослый, а все туда же! Сама убирать за тобой не стану!

Шуйфэнь фыркнула и поспешила уйти. Спросонья Ци Хэли еще плохо соображал, что происходит. Открыв глаза, он увидел Яньчжи, которая уже тянулась к краю одеяла. Мальчик в ужасе вцепился в него обеими руками и, густо покраснев, сердито прикрикнул:

— Выйди вон! Живо уйди отсюда!

— Да ладно тебе, молодой барин, подумаешь — конфуз случился! Стоит ли так стыдиться? Все равно ведь прибирать надо... — Яньчжи с силой потянула одеяло на себя. Шелк соскользнул на пол, девушка заглянула на постель — и в то же мгновение залилась краской до самых ушей.

Яньчжи молча и поспешно принялась перестилать постель. Вскоре вернулась Шуйфэнь, и подружки, сбившись в кучу над испачканным бельем, зашептались, изредка бросая на мальчика выразительные взгляды. Ци Хэли чувствовал себя так, точно его кололи иголками. За завтраком он не мог проглотить ни куска, сгорая от неловкости.

Когда он проходил мимо Шуйфэнь, прижимая к груди шкатулку с тушью, та вдруг коротко и ехидно прыснула. Это стало последней каплей. Не помня себя, Ци Хэли бросился вон из комнаты. Он бежал без оглядки, задыхаясь от жгучего стыда и не понимая, что с ним происходит. Неужто на него напала та же смертная хворь, от которой увяла книжная девица Ду Линянь? Не зря нянька обозвала героиню бесстыжей. Мальчик и сам теперь казался себе омерзительным и грязным.

От этих мыслей им овладел дикий страх. Забившись в самую глухую расщелину декоративной каменной горки в глубине сада, он горько и безутешно разрыдался. Подумать только: они с Цзян Мэнчжэнем еще даже словом не обмолвились, а он уже столько слез из-за него пролил.

<http://bllate.org/book/19598/2002399>